

Морис Бежар:

Каше. М. Бежар. - 1998. - 26 марта. - с. 4.

Даже танцор на фоне кошки выглядит инвалидом

В апреле в Москве пройдут спектакли одного из самых ярких балетмейстеров планеты

Пересказывать балет - дело странное. И тем не менее - сюжет либретто, по которому Бежар ставит свои «Мутации», таков.

Погибает планета (экологические катастрофы, ядерные войны и прочие страсти). Небольшая уцелевшая группа успевает покинуть родную Землю на борту последнего космического корабля. Ну и, разумеется, невзирая на боль и растерянность, они хотят напоследок станцевать на Земле, которая когда-то была для них раем.

В процессе танца (музыка, ностальгия, любовь) земляне вдруг чувствуют себя счастливыми. И потом - все поднимаются на борт, но последний из экипажа оглядывается, замечает на пустынной земле... цветок. И кричит своим товарищам: «Я остаюсь!»

История, конечно, не слишком мудреная - но балет же не читают, у него масса других достоинств...

Одним словом, всемирно известный маэстро заверяет наших читателей, что премьера состоится в апреле, когда Лозаннский балет Мориса Бежара приедет на гастроли в Москву и Санкт-Петербург. Кроме «Мутаций», он привезет еще один новый спектакль - «Дом священника», посвященный проблеме молодого поколения и СПИДа.

...Однажды Бежар написал:

«Я почти всегда любил танцовщиков. На поле сражения, которое я избрал для себя, - в жизни танца я дал танцовщикам то, на что они имели право. Я не оставил живого места от жестокого и салонного танцовщика. Я вернул лебедям их пол - пол Зевса, соблазнившего Леду. Мне осточертели лебеди «Лебединого озера», и я создал

балет «Лебедь», где три танцовщика с обнаженными торсами воплощали мифическую птицу».

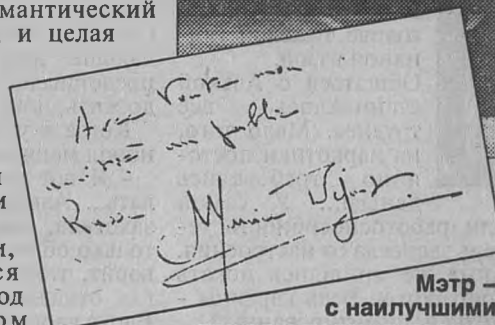
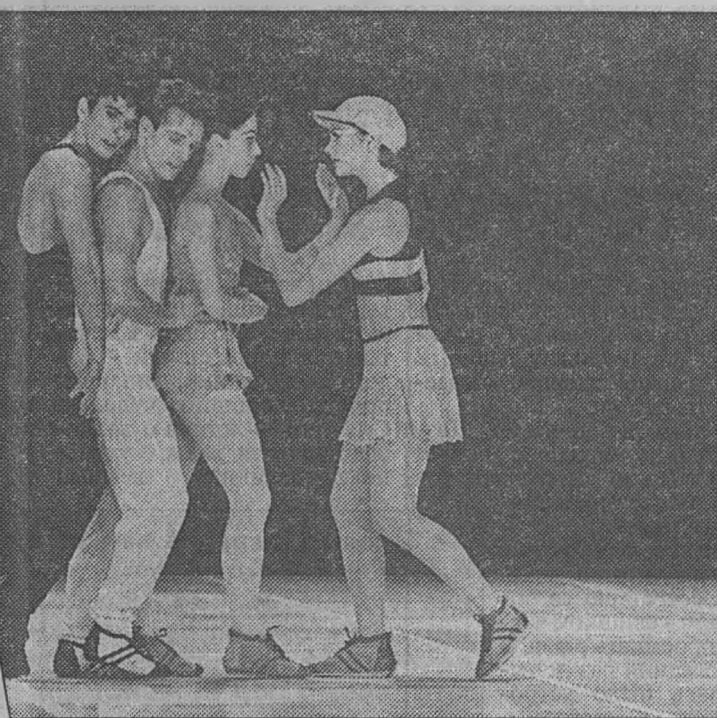
- Вы считаете, - спросил я его, - что время балета классического уходит окончательно и бесповоротно, уступая современному танцу?

- Нет этого разграничения, я не верю, что есть два балета. Просто классический танец мало-помалу трансформируется: нужен такой музей, где хранится балетный репертуар разных эпох, но нужна и новая хореография, движение вперед.

Собственно, и сам классический балет - это и стиль конца прошлого века (Мариус Петипа в Петербурге), и стиль романтический («Сильфида»), и целая эпоха эволюции танца с Дягилевым, Нижинским, которого можно уже отнести к современным хореографам.

Я, кстати, формировался как танцор под руководством великих русских

Морис Бежар в своих сценических постановках всегда задает кучу вопросов. И зрителям, и самим танцорам...

Мэтр - с наилучшими пожеланиями читателям «Комсомолки».

Кто такой Морис Бежар?

Его настоящая фамилия - Берже. О том, в каком году Бежар родился, не знает, кажется, даже он сам. По одним данным, это произошло в 1927 году, по другим - в 1924-м, во французском городе Марселе.

Учиться классическому танцу он начал в сорок первом, а уже в 1944-м дебютировал в составе марсельской Оперы.

В настоящее время Морис Бежар - одно из главных имен современного балета. Большой театр уже давно воспринимается как традиция. Бежар, почти столь же давно, - как лицо хореографии конца двадцатого века.

учителей - Егоровой, Волковой, Преображенской. Уже потом я пришел к своему сегодняшнему стилю...

- В ваших спектаклях артисты часто выходят в одном трико, мужчины вообще с обнаженным торсом? А как же привычные костюмы, воздушные юбочки-пачки?

- Все зависит от сюжета, от эстетики балета. Есть спектакли, которые просто не нуждаются в костюме. В классическую эпоху, например, женщины облачались в простые туники, мужчины - в трико. В современном танце простые костюмы часто использовал Джордж Баланчин.

- На ваших взглядах как-то отразилась многолетняя дружба с известным кутюрье Джанни Версаче?

- Мне повезло работать с ним в течение 15 лет: он научился понимать танец, а я научился понимать моду в

одежде. Мы работали вместе в репетиционном зале, поскольку костюм не может появиться отдельно от самого танца... Джанни наблюдал, набрасывал эскизы, и, когда делались последние штрихи в хореографии, мы уже знали, какой костюм нам нужен.

- У вас уже есть опыт работы в России - в конце 80-х вы ставили «Ленинградские белые ночи»...

- В Большом мы танцевали гораздо раньше - уже и не помню, в каком году. Еще в 60-м, создав «Балет XX века», я обратился к советскому правительству с просьбой предоставить мне русских педагогов. Мне повезло: свой балет в Брюсселе я начинал с двумя великими русскими педагогами - Асафом Мессерером и его супругой г-жой Тихомировой. Затем мои пути пересеклись с Васильевым, Мак-

симовой, Плисецкой. Большая дружба связывала меня с Галиной Улановой, которая учила моих артистов танцевать «Ромео и Джульетту».

Оказавшись в России впервые, я не чувствовал себя оторванным от своей школы танцев в Париже: там меня обучали такие же русские преподаватели, они курили те же папиросы, ели ту же кашу или пирожки...

- Какие требования предъявляются к танцору, которого принимают в труппу?

- У меня были танцоры с самой разнообразной техникой, стилем и происхождением. Главное тут - готовность отдать всего себя, работать по 12 часов в сутки, не выходя из студии. Меня поразил великий танцор Васильев, когда мы работали с ним над постановкой «Петрушки». Будучи уже звездой балета, он вел себя, как простой ученик, готовый целиком раскрыться.

- Говорят, многие элементы пластики вы позаимствовали у животных. Есть у вас любимчики среди «братьев меньших»?

- Сейчас у меня дома живут пять кошек. Бывало и больше. Меня потрясает грация этих животных, способность без видимого напряжения с места запрыгнуть на метровую высоту. Человек на их фоне выглядит инвалидом.

- Одно время поговаривали, что вы хотите попробовать себя в спорте. В каком качестве?

- Меня просили поработать в фигурном катании. Но я слишком занят. К тому же очень трудно научить фигуристку чему-либо, если сам не стоишь на коньках. В танце, несмотря на возраст, я еще могу что-то продемонстрировать.

Леонид ТИМОФЕЕВ.

Женева.